

I ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Н. ПУТИЛОВ

ОТ СКАЗКИ К ЭПОСУ (ПО СТРАНИЦАМ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ПРОППА)¹

В формуле, вынесенное в заглавие статьи, — «от сказки к эпосу» — заключено сразу несколько смыслов. Фактический: завершив фундаментальное исследование волшебных сказок, В. Я. Пропп сразу же обратился к столь же фундаментальной разработке проблем героического эпоса. Методологический: опыт структурного анализа фольклорных текстов, добытый при изучении сказок и базировавшийся на признании определяющего значения структуры для жанровой природы фольклорных явлений, ученый применил к исследованию героического эпоса — с учетом его жанровой специфики. Теоретический: два жанра — две системы: «эпос, сказка <...> имеют различное происхождение, различную историческую судьбу, отличаются по своей идеологии и по своей форме и представляют собой различные образования»². Исходя из такого понимания, ученый сопоставлял и противопоставлял две жанровые системы ради наилучшего их истолкования.

С выходом в 1946 г. монографии «Исторические корни волшебной сказки» завершился двадцатилетний этап творческой деятельности В. Я. Проппа, почти целиком заполненный исследованиями волшебных сказок. Начало было положено первой монографией — «Морфология сказки» (1928), затем все 30-е годы ученый занимался проблемами генезиса и этнографических корней

¹ Впервые опубл.: Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Vol. 1, № 3. С. 351–370. Далее библиографические ссылки даны в обычных сносках, примечания автора — в концевых.

² Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958. С. 11.

сказки как целого и ее отдельных мотивов. Эта последняя тема получила отражение в ряде статей: «Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне)»³, «Мотив чудесного рождения»⁴, «Мужской дом в русской сказке»⁵ и др. Две монографии, разделенные временем в 18 лет (разделение, конечно, вынужденное: вторая книга была закончена к 1939 г. и защищена как докторская диссертация), составили, в сущности, дилогию: в первой В. Я. Пропп открыл и описал характерную для жанра волшебной сказки устойчивую структуру, составляющую композиционный стержень всех сказочных сюжетов. Открытие состоялось благодаря блестящему применению разработанного самим ученым структурно-типологического метода. Когда в конце 50-х годов в лингвистике, литературovedении и фольклористике начнет свое победное шествие структурализм, о книге В. Я. Проппа вспомнят и на Западе, и у нас, ее переведут на многие языки, а ее автора объявит основоположником применения нового метода к нарративной словесности⁶. Но это случится нескоро, а на родине «Морфология сказки» по ее выходе будет зачислена в разряд формалистических работ и, естественно, подвергнется острокизму.

Сам В. Я. Пропп обвинений в формализме не принимал, изначально рассматривая структурное исследование сказок как необходимую первую ступень, за которой должна была следовать вторая — исследование историко-генетическое⁷. Оно и было осуществлено в монографии «Исторические корни». Совершенно неправомочно отрывать одну книгу от другой, они составляют две части единого целого. Тем самым В. Я. Пропп первым соединил структурно-типологический подход с историко-типологическим и добился исключительного результата, доказав, что структура волшебной сказки обусловлена генетически и что сказка как явление верbalного фольклора совершенно закономерно выросла на почве ритуально-мифологической, через трансформацию обряда инициации и первобытных представлений о смерти в систему нарративных повествований.

Дилогию Проппа с полным правом можно отнести к числу значительнейших трудов сказковедения XX века.

³ Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 43. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 151–175.

⁴ Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1941. № 81. Сер. филол. наук. Вып. 12. С. 67–97.

⁵ Пропп В. Я. Мужской дом в русской сказке // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 20. Сер. филол. наук. Вып. 1. С. 174–198.

⁶ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 134–166.

⁷ Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1976. С. 137–139.

Между тем, и выход второй монографии, подобно первой, радости автору не принес. Появление ее пришлось на начало очередной кампании завинчивания идеологических гаек, оголтелой борьбы против «влияния буржуазной идеологии» за «чистоту марксизма» в культуре и науке.

Как это было принято в советской системе, мишенями для идеологических (а часто — и политических одновременно) расправ избирались имена крупные, труды неординарные, концепции яркие. Книга Проппа первая стала жертвой спровоцированных партийным руководством проработок. Все возможные, с точки зрения охранительной критики, суровые обвинения были ей и ее автору предъявлены: «вопиющий антиисторизм», «формалистические позиции», «отрицание национальной сущности» сказок, «возрождение традиций идеалистической фольклористики». В особую вину Проппу ставилось, что его влекло «не к Добролюбову, Чернышевскому и Горькому <...>, а к идеалистам-позитивистам Фрэзеру, Леви-Брюлю и др.»; «Пропп находится под непосредственным и очень сильным влиянием, с одной стороны, нашего отечественного формализма 20-х годов, с другой стороны — под влиянием идеалистической французской так называемой школы Дюркгейма и Леви-Брюля и так называемой финской школы»⁸ (1).

Любого из этих обвинений было в те времена достаточно, чтобы ученый потерял работу и был изгнан из научной жизни. К счастью, с В. Я. Проппом этого не произошло. С одной стороны, руководство университета, по-видимому, не выразило готовности применять репрессии к своему профессору; с другой, очень скоро главный огонь идеологических атак был перенесен на «бездородных космополитов» из числа театральных критиков и филологов евреев, кампания приняла откровенно антисемитский характер, и В. Я. Проппа оставили в покое.

Разумеется, долгое время он числился «на подозрении» у партийных властей и тогдашних научных «вождей». Между 1946 и 1954 годами он опубликовал две небольшие статьи (в том числе одну — о немецком артикле) и тезисы доклада. Зато все эти годы он напряженно и, не побоюсь этого слова, вдохновенно работал над новой для него темой. Итогом стала третья монография — «Русский героический эпос» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1955; 2-е изд. — М.: Гослитиздат, 1958). Книга оказалась неожиданностью даже для специалистов, привыкших связывать имя ее автора со сказкой. В то же время ее появление совпало с большим оживлением инте-

⁸ Соколова В. К. Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях Сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. 1948. № 3. С. 140; Чичеров В. И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Советская этнография. 1948. № 3. С. 147.

реса к проблемам народного эпоса, с первыми попытками — в условиях идеологической «оттепели» — пересмотреть установившиеся стереотипы, по-новому подойти к историческому изучению памятников эпического творчества народов СССР. До известной степени книга В. Я. Проппа влилась в этот общий поток, но ей сразу же было уготовано особое место в эпосоведении.

Замечу прежде всего, что дата выхода книги не должна закрывать от нас действительную дату ее завершения. Сохранившиеся в архиве ученого материала свидетельствуют, что монография была закончена в 1952 г., тогда же обсуждалась на кафедре истории русской литературы филфака университета, получила высокую оценку, и ей (в рукописи) была присуждена университетская первая премия.

Теперь есть возможность хотя бы частично восстановить отдельные моменты формирования пропповской концепции героического эпоса, в том числе — русских былин. У истоков ее — не большая статья 1946 г. «Чукотский миф и гиляцкий эпос». Автор сопоставил миф и эпос двух этносов и пришел к нескольким важным открытиям: во-первых, и там и там он обнаружил одну и ту же композиционную структуру и одни и те же сложеты; во-вторых, установил шамансскую природу мифов; в-третьих, показал, что в гиляцких нарративах — этой «наиболее примитивной, зародышевой стадии эпоса» — при их кажущемся тождестве с мифами, произошел «решающий сдвиг, ведущий к созданию эпоса» и к «новому пониманию героизма». В итоге В. Я. Пропп посчитал законным поставить вопрос о «первичной шаманской основе эпоса»⁹. В статье было выдвинуто еще одно важное общеметодологическое положение: эпос народов, стоявших «на разных ступенях общественного развития», «может быть сопоставлен по стадиям», и расположение «в историческом порядке вскроет все внутренние процессы становления и развития эпоса в зависимости от их социальной и политической истории»¹⁰.

Эти идеи будут развернуты затем в части первой монографии: «Эпос в период разложения первобытно-общинного строя». Здесь будет дана характеристика эпоса нивхов (гиляков), якутов, шорцев (как древнейшей — в стадиальном смысле — эпической формы), в результате их сопоставления будут установлены сюжетно-тематическая общность и единство выраженных в них идеалов. В. Я. Пропп определит этот первый этап эпического творчества как догосударственный и придет к убеждению, что создается он «при разложении родового строя», «направлен против идеологии родового строя», что «эпос рождается из мифа не путем эволюции, а из отрицания его и всей его идеологии» и что «при некоторой

⁹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 300–302.

¹⁰ Там же. С. 302.

общности сюжетов и композиции, миф и эпос диаметрально противоположны один другому по своей идейной направленности». Такой антагонизм ученый объяснял тем, что в древних мифах сильно выражен «момент подчинения» героев хозяевам стихий, от которых они получают «великое умение», «земные блага», а эпос проникнут героической борьбой общенародного, позднее — общегосударственного характера. К эпосу «ближе» более новые мифы, в которых резче выражен «момент борьбы с природой и ее хозяевами»¹¹.

О роли шаманского мифа в формировании эпоса в книге уже не упоминается: возможно, что изучение материалов мифологии народов Сибири и Крайнего Севера вывело исследователя за рамки собственно шаманской мифологии и показало более широкий ее характер. Так конкретный вопрос, поставленный в ранней статье, остался без ответа и ныне пребывает в подвешенном состоянии.

В 1949 г. В. Я. Пропп обратился к «Калевале». Это был год юбилея поэмы — столетие первого ее издания, в Петрозаводске должны были состояться торжества, и В. Я. Пропп был приглашен участвовать в научной конференции, но доклад его был отвергнут О. Куусиненом, возглавлявшим подготовку и проведение юбилея¹², и был опубликован посмертно¹³. В докладе — на ином материале — высказаны уже знакомые нам мысли: «Эпос, исходя из мифологических корней, преодолевает мифологию и религию. Это — закономерный путь развития эпоса всех народов, но в каждом эпосе этот переход осуществляется по-своему. Содержанием эпоса всегда является борьба», в рунах «Калевалы» это — борьба героя с «хозяевами стихий», они дают «художественное обобщение ранних форм борьбы человека за овладение природой» и в то же время содержат следы борьбы социальной. Здесь же В. Я. Пропп высказал принципиальные соображения о характере циклизации в народном эпосе и о необходимости последовательного ограничения эпоса народного от книжного¹⁴.

Об эпосе русском никаких печатных высказываний до публикации монографии у В. Я. Проппа не было. Тем большую ценность представляют его замечания, высказанные свободно, без оглядки, в письмах к автору этих строк. Так получилось, что в 1947–1948 гг. я, работая тогда над кандидатской диссертацией о русских исторических песнях, почувствовал необходимость поделиться некоторыми мыслями с В. Я. Я послал ему несколько писем, позднее — даже главу, а также просил его почитать мою диссертацию,

¹¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 35.

¹² Чистов К. В. Забытый эпизод научной биографии В. М. Жирмунского // Живая старина. 1994. № 1. С. 10.

¹³ Пропп В. Я. Фольклор и действительность.

¹⁴ Там же. С. 311–312.

отосланную в Сектор фольклора Пушкинского Дома. Причина, по которой я решился на все это, была одна: прочитав «Исторические корни», я был буквально покорен не только новаторской концепцией книги, увлекательностью ее сюжета, но и тем, *как* развивал свои идеи автор, логикой анализа, манерой изложения.

К сожалению, мои письма тех лет не сохранились, я помню лишь, что главной темой их были мои рассуждения о соотношении исторических песен и былин, об особенностях отношения к истории тех и других. Вот первый отклик В. Я. на мои письма к нему. Они интересны, конечно же, тем, что передают, так сказать, первую редакцию взглядов В. Я. Пропущено на природу и сущность былинного эпоса. Письмо датировано 3.XII.47 г.

«Моя концепция: Киевская Русь — былины, Московская Русь — историческая песня. Неясен Щелкан (2). Вы совершенно правы, говоря, что в X—XV вв. не могло быть исторической песни. Вы правы также, когда полагаете, что этому препятствует (т. е. «этому» — наличию исторической песни) отсутствие исторического сознания. Но эту мысль надо обосновать. Как? Надо показать, что такое Киевское государство: феодальный строй, сепаратизм князей, усобные войны. В былине феодальные войны не отражены, потому что они не были народны (об этом есть у Белинского). Эпос дает не реальную, а идеальную историю. Владимир знаменует единство Руси как народный идеал. Это единство достигнуто было Москвой при Грозном, и реальный Грозный приходит на смену идеальному Владимиру <...> Вы хотите показать и обосновать *условную* историчность былины. Вам помогут труды исторической школы в лице тех, кто утверждал московское происхождение былин. Помните, Халанский весьма убедительно раскрывает мнимую историчность Киева в эпосе. Ему это нужно, чтобы противопоставить Киев Москве. Вам это нужно для других целей. Второе, на что можно опереться, это летопись. Очень рекомендую книгу Еремина (3). Летописи интересны для Вас своим пониманием *времени*. В фольклоре нет времени, нет пространства. Поэтому для былины все равно, сказать ли Чернигов, Смоленск или Себеж (Соловей-разбойник). В летописи видна борьба двух мировоззрений: времени нет и здесь, но оно все же есть в очень наивных и внешних формах. В летописи прослеживается *пробуждение* исторического сознания. Можно показать, что его здесь еще нет, но что оно одновременно уже есть. Со словом «сознание» надо быть очень осторожным. Может быть «сознанию» надо противопоставить «осознание» (4). Осознание действительности вообще очень поздняя вещь. Его нет во всей древнерусской литературе, как нет и в живописи (икона). Историческое сознание в полном смысле этого слова появляется тогда, когда с единым государством весь народ втягивается в политическую жизнь страны <...> Война и монархи — вот главнейшие факторы исторической жизни

для народа до революции. Денежная реформа (Алексей Михайлович) или введение картошки не создают исторической песни. С революцией наступает следующий этап: *весь* народ втянут во *всю* жизнь страны.

Вот я немножко пофантазировал. Очень боюсь Вам повредить, оказать на Вас какое-то давление; Вы, купаясь в материале, как в <нрзб.>, понимаете это лучше меня. Но может быть даже мои ошибки Вам пригодятся...». И последняя фраза: «На Вашей диссертации хочу быть оппонентом» (5).

В приведенном письме содержится зерно концепции В. Я. Проппа в той ее части, которая относится к проблеме историзма былин и к связанному с нею вопросу о взаимоотношении былин и исторической песни.

Возвращаясь к монографии, я намерен сосредоточиться на самых главных, наиболее существенных слагаемых общей концепции русского героического эпоса и отчасти на том, как эта концепция была реализована при подробнейшем рассмотрении — сюжет за сюжетом, персонаж за персонажем — всего известного фонда русских былин.

И собирали, и издатели текстов, и исследователи, и авторы популярных книг всякий раз останавливались перед проблемой выделения былин из общей массы эпических нарративов. Попытки определить жанр на основе содержательных или, напротив, формальных признаков неизменно оказывались недостаточными: живой материал просто не укладывался в предлагавшиеся рамки. В. Я. Пропп предложил в качестве определяющих ряд признаков, складывающихся в единый комплекс. Признаки эти — «героический характер содержания», «музыкальное исполнение», связанная с напевом «стихотворная форма песен», «характерный стиль». Описывая эти признаки, автор последовательно отграничивал былины от других песенных эпических жанров — духовных стихов, баллад, исторических песен, а также от прозаических изложений былинных сюжетов. И при всем том автор должен был внести существенное дополнение: «Эпос характеризуется не только приведенными признаками, но всей совокупностью его многогранного содержания, миром созданных им художественных образов, героев, предметом его повествований»¹⁵. Таким образом, предварявшее исследование соображения о былине как художественном феномене должны были наполниться конкретикой, уточниться и обогатиться в ходе самого исследования. Своей книгой В. Я. Пропп раскрыл внутреннее единство русского эпоса.

Принципиально по-новому решал В. Я. Пропп проблему происхождения былин как жанра и создания былин как конкретных произведений устного слова. Здесь его концепция была последова-

¹⁵ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 5–11.

тельно противопоставлена взглядам ученых исторической школы, которые, кстати сказать, оставались общепринятыми в советском эпосоведении. Привычным был литературоведческий подход, согласно которому любая былина создавалась (возникала) в определенный момент в определенном месте творческими усилиями безвестных певцов, а затем становилась предметом дальнейшей творческой разработки поколений. Именно так понимался (да и сейчас многими понимается) коллективный характер фольклорного творчества. Между тем, еще в статье 1946 г. «Специфика фольклора» В. Я. Пропп заявил о своем несогласии с этими взглядами. «Воспитанные в школе литературоведческих традиций, мы часто еще не можем себе представить, чтобы поэтическое произведение могло возникнуть иначе, чем возникает литературное произведение при индивидуальном творчестве. Нам все кажется, что кто-то его должен был сочинить или сложить первый. Между тем возможны совершенно иные способы возникновения поэтических произведений, и изучение их составляет одну из основных и весьма сложных проблем фольклористики <...> Генетически фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия»¹⁶. Вот эту общую концепцию В. Я. Проппа перенес на былины: «То, что старая наука представляла себе как однократный *акт* создания, мы представляем себе как длительный *процесс*. «Любая былина относится не к одному году и не к одному десятилетию, а ко всем тем столетиям, в течение которых она создавалась, жила, шлифовалась, совершенствовалась или отмирала»¹⁷.

Позволю себе развить эту идею В. Я. Проппа, прежде чем продолжить рассмотрение его труда. В основе творческого фольклорного процесса в его классических формах лежит принцип трансформации предшествующей традиции в сферах жанровой специфики, сюжетики, структуры, поэтики и т. д. Трансформация совершается закономерно, а не по воле отдельных авторов, процесс носит бессознательный и безличный характер. Фольклорное творчество обладает особым механизмом самовоспроизведения, обновления, создания нового из недр традиции. Очевидно, что такой творческий процесс не поддается эмпирическому наблюдению, но его существование и его результаты могут быть установлены путем анализа реальных текстов. Великая заслуга В. Я. Проппа состояла в том, что, опираясь на свое понимание эпосотворческого процесса, он проник в глубину содержания русского эпоса, объяснил его характер и заново прочитал его сюжеты. Другими словами,

¹⁶ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 21–22.

¹⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 26.

полученный уникальный результат подтвердил правильность теоретической посылки. В то же время теория индивидуально-коллективного творчества оказалась неспособной решить эти задачи и завела историю эпоса в тупик.

Исходя из содержания и реалий русского эпоса, исследователи с давних пор относили возникновение былин к эпохе Киевской Руси. Представители исторической школы прямо связывали их с конкретными событиями той эпохи, а героев их возводили к реальным историческим прототипам — князьям, воеводам и т. п. Разительное несоответствие содержания былин реальной истории, преобладание фантастики, необычайного либо просто игнорировалось, либо относилось на счет позднейших искажений и переработок. Эволюция былин представлялась как превращение песен исторических, близких своим содержанием к летописям, в песни эпические, в которых летописное начало сохранялось лишь в виде следов.

Из процитированного выше письма В. Я. Проппа очевидно его отношение к концепции исторической школы. В книге это неприятие теории первичности исторических песен и вторичности былин получило развернутое обоснование. «Былина весьма близка к исторической песне, но тем не менее между ними имеется глубокая и принципиальная разница <...> Мнение некоторых ученых, утверждавших, что эпос возникает первоначально как историческая песня, которая с веками забывается и искажается, постепенно превращаясь в былину, должно быть совершенно оставлено <...> Былина *древнее* исторической песни. Былина и историческая песня выражают сознание народа на разных ступенях его исторического развития в разных формах»¹⁸.

Итак, былина, по мнению В. Я. Проппа, возникает не из исторической песни и не как одноразовый отклик на конкретные события. Как же?

Ответ на этот вопрос составляет одно из самых значительных открытий ученого. Былинам — в тех формах, в каких мы их знаем — предшествует героический эпос иного характера, былины возникли из эпоса исторически предшествующей стадии. Этой стадией был эпос догосударственный, развившийся на ступени первобытно-общинного строя. Но этот эпос в его живых формах в русском фольклоре не сохранился, он был «поглощен» новым, «государственным» эпосом, т. е. былинным, как бы растворился в нем, оставив свои многочисленные следы. Былины с их содержанием, характерными мотивами, героями, фантастическими реалиями, своеобразной поэтикой невозможно понять, не учитывая роли традиций догосударственного эпоса и специфических связей с ним. Восстановить картину догосударственного эпоса, предста-

¹⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 9.

вить его существенные качества можно, привлекая соответствующий материал из фольклора других народов, сохранивших живую традицию архаического эпоса. Отсюда — обширный экскурс в область эпического творчества народов Сибири. Здесь В. Я. Пропп широко применяет принципы историко-типологического подхода, вскрывая черты сходства и даже общности и объясняя их не заимствованием (которое было просто невозможно), а действием общих закономерностей. Разумеется, он учитывает национальную и историческую специфику эпоса отдельных этносов. Русский эпос догосударственной стадии обладал своими особенностями. Но анализ былин позволяет ему вскрыть существенные параллели, совпадения, аналогии и тем самым вполне обоснованно объяснить многие загадки былин зависимостью их от традиций догосударственного эпоса. Таким образом, мифология, фантастика, устойчивые мотивы, пронизывающие основную массу былин, есть не результат позднейшей эволюции (как полагала историческая школа), а след архаической традиции.

Теперь мы подходим к, может быть, главной идее книги Проппа, касающейся принципиального истолкования отношений былин как эпоса государственного с эпосом архаическим, догосударственным. С его точки зрения, это — отношения вовсе не благополучные, порядка преемственности и творческой эволюции, но конфликтные по самой сути. В былинах мы обнаруживаем не «непосредственное продолжение», не «остатки старого в новом», но «конфликт старого с новым». За этим стоит конфликт эпох, исторических стадий, сознаний: «Идеалы Киевского государства сталкиваются с идеологией родового строя, и этот конфликт есть основной конфликт наиболее ранних, древнейших русских былин»¹⁹. «Старые сюжеты сохраняются, наполняются новым содержанием. С другой стороны, создаются произведения новые, не связанные с традицией <...> Традиционны в этих песнях только их былинная форма и способ исполнения»²⁰. Идеологический разрыв с прошлым приводит к тому, что традиция подвергается «отрицанию».

Выраженные в некоторых местах книги с резкой прямолинейностью, отдельные положения общего порядка вызвали несогласие со стороны эпосоведов, занимавшихся древнейшими формами героического эпоса. Так, В. Я. Пропп подчеркивал противостояние архаического эпоса роду и его идеологии. Его оппоненты указывали на мотивы идеализации родовых отношений; герои догосударственного эпоса нередко следовали традиционным родовым нормам (мотивы кровной мести, почитания предков и др.)²¹. Точно так

¹⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 60.

²⁰ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 60–61.

²¹ Мелетинский Е. М. Народный эпос // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964. С. 71.

же отмечалось, что мифология в былинах выступала не обязательно с отрицательным знаком, но нередко включалась в позитивные характеристики героев. Скажем здесь, что в конкретных разборах былинных сюжетов В. Я. Пропп не сводил следы мифологии в былинах к мотивам «отрицания», находя здесь элементы творческого развития и обогащения. И само понятие «конфликта» в книге трактуется достаточно широко, в многообразии оттенков.

Новое понимание «истоков» былин и трактовка проблемы создания их вели к принципиально новой постановке вопроса о том, что же представляют собою те былины, которые известны нам во множестве вариантов, в разнообразии версий и редакций, в характерных сюжетных противоречиях, неясностях, часто — с подтекстом и т. д. Концепция В. Я. Проппа предполагала возможность увидеть все это как проявления длительного творческого процесса, у которого может быть засвидетельствован относительный финал, но нет «начала» в традиционном для науки смысле. Можно углубляться в прошлое эпического сюжета или героя, обнаруживать нестершиеся следы его, но безосновательно пытаться восстановить «первоначальный» вид былины, ибо за каждой реконструкцией будет видеться еще более давний слой.

Основная направленность монографии — не в этом, хотя автор не упускает из виду ни одной архаической детали, ни одной сколько-нибудь важной связи былин с традицией. Главное внимание его сосредоточено на том, чтобы, привлекая все многообразие вариантов, «установить все звенья повествования, уяснить ход действия, определить его начало (заязку), развитие, конец (развязку)», то есть «раскрыть “народный замысел” во всей совокупности его проявлений» и «художественной цельности». Такая работа, с выявлением и изучением версий сюжетов, «продвигает нас в понимании тенденций развития эпоса в связи с историческим развитием народа»²². Сам эпический замысел предстает не как нечто однажды заданное, раз навсегда застывшее, но как движущееся вместе с историей и сознанием народа, опирающееся на архаические истоки и перемалывающее традицию. Опыт работы над «Историческими корнями» сказался и в этой книге: автор ее проявил замечательное искусство видеть и «проявлять» архаику сквозь густой слой обновлений, трансформаций, наслонений. Вспоминаю, что В. Я. любил повторять в беседах и устных выступлениях: фольклорист должен обладать чутьем на архаику и умением извлекать ее, без этого он недалеко уйдет. В годы, когда догматическая критика всячески настраивала на отыскание всюду в первую очередь проявлений реализма, бытовых и психологических реалий, В. Я. Пропп последовательно и настойчиво занимался поисками архаических пластов — но не ради архаи-

²² Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 22–24.

зации эпоса, а ради проникновения в его сущность, в законы его возникновения и истории. Не сама архаика, а ее трансформированные элементы и их идеино-художественная функция, мифология — не как пережиток, но как материал идеологической перекодировки, сюжетные традиции в конфликтном переосмыслении — таков внутренний пафос книги. Этим темам посвящены 2-й–5-й разделы первой части: «Древнейшие герои и песни», «Былины о сватовстве», «Герой в борьбе с чудовищами», «Былины сказочного характера».

Бот блестящий пример прочтения былины о Волхе Всеславьевиче с ее органическим сплавом архаики и истории, с ее глубинным конфликтом «нового» и «старого», с трудно объяснимыми сюжетными и семантическими «швами» и противоречиями. Былина о Волхе «как целое сложилась задолго до образования Киевского государства <...> Вместе с тем она по своему замыслу чужда новой киевской эпохе. Можно проследить весьма интересные попытки ее переработки»²³. Былина «сохраняет древнейшие тотемические представления о животных как о предках человека и о возможности рождения великого охотника и волхва непосредственно от отца-животного». «Древнейшая основа песни» воспевает «хищнический поход», и успех его обеспечивает волшебное искусство предводителя. «В описании похода Волх мы видим остатки тех варварских времен, когда совершались жестокие набеги одних племен на другие»²⁴. В условиях Киевской Руси «была сделана попытка приурочить этот поход к своим позднейшим историческим интересам», она «осталась незавершенной и поэтому неудачной», и песня о Волхе была вытеснена «подлинно героическими песнями об отражении русскими татарами»²⁵.

Столкновение двух стадий эпического творчества обнаруживается в былинах о Святогоре. Этот богатырь, воплощающий непомерную, но и спящую, не находящую применения силу, принадлежит *прошлому* и обречен на гибель. Ему на смену приходит Илья Муромец как герой *нового* типа и новой эпической стадии. «Самый замысел, сюжет должен был сложиться в эпоху, когда герои-исполины еще не были забыты, но когда они переставали удовлетворять новым идеалам, требовавшим новых героев»²⁶.

В. Я. Пропп впервые объяснил феномен значительного пласта былин о сватовстве в русском эпосе. Он показал, что и тема поисков суженой, и основной комплекс мотивов борьбы за невесту унаследованы былинами от догосударственного (архаического) эпоса, но не просто усвоены и переосмыслены, «приспособлены»

²³ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 70.

²⁴ Там же. С. 71–72.

²⁵ Там же. С. 75.

²⁶ Там же. С. 87.

к новой эпической стадии, но подвергнуты «отрицанию», трансформированы в конфликтном духе. Синтез архаической эпики о сватовстве с идеями «исторического» поиска Киевской Руси привел к возникновению сюжетов, в которых на первый план выступили драматические коллизии, неприятие новым сознанием идеи брака героя с существом из иного мира, перенесение свадебных происшествий на почву эпической истории Киева. Исходя из принципа конфликтности, автор раскрыл и объяснил трагические развязки в ряде былин о сватовстве («Михаило Потык», «Иван Годинович», «Дунай»).

Аналогичный подход позволил В. Я. Проппу показать несостоятельность «летописных» трактовок таких сюжетов, как «Добрыня и Змей», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Идолище», «Алеша Попович и Тугарин» и обнаружить в них характерное «историческое» переосмысление мифологических образов чудовищ, то есть показательный для русского эпоса процесс сплава «киевской» истории с архаикой.

Историзм — ключевая проблема эпосоведения, любая общая теория эпоса, любое конкретное исследование так или иначе решают эту проблему, исходят из определенного понимания ее либо ищут ее решения. По крайней мере три принципиальных положения выделяют концепцию историзма былин, разрабатываемую в книге В. Я. Проппа, из массы эпосоведческих трудов, ей предшествовавших или современных. Первое: историзм былин обусловлен их жанровой природой и спецификой, к нему неприменимы мерки летописи, исторической песни или воинской повести. Второе: историзм былин — их органическое внутреннее качество, пронизывающее все их элементы и не сводимое к реалиям и различным внешним проявлениям. Третье: историзм — категория развивавшаяся и менявшаяся в былинах вместе с развитием эпоса, поэтому — наряду с общими признаками — в былинах мы видим разные уровни и разные степени эпического историзма.

В отстаивании этих принципов историзма В. Я. Пропп был бескомпромиссным, реализации их, в сущности, посвятил всю книгу, на доказательство правильности их был направлен анализ сюжетов, героев, художественных особенностей. Отсюда — непримиримое отношение к исторической школе, непризнание за нею каких бы то ни было позитивных заслуг, отказ от критического рассмотрения многочисленных трактовок былинных сюжетов и персонажей, предлагавшихся ее сторонниками. Такая позиция вызвала нарекания, упреки в нигилистическом отношении к научному наследию, к трудам предшественников. Я не видел раньше и не вижу сейчас ошибки со стороны автора книги. Во-первых, ему не нужно было разворачивать критику исторической школы уже по той причине, что такая критика, по-своему беспощадная, убий-

ственная, была дана задолго до него²⁷, и можно лишь поражаться тому, что последователи этой школы все еще продолжали в том же духе, а некоторые идеи ее по-прежнему разделялись многими советскими фольклористами. Во-вторых, В. Я. Пропп исходил из убеждения, что исторической школе и ее современным последователям надо противопоставить не критику, а позитивную, обоснованную, опирающуюся на тщательный анализ теорию.

Дифференцированный подход к историзму былин отчетливо сказался в главах, посвященных различным этапам эпического творчества. Мы уже видели, как расценивал В. Я. Пропп историзм былин о древнейших героях, о сватовстве и борьбе с чудовищами. Принципиально иной уровень историзма он обнаруживает в былинках о борьбе с татаро-монгольским нашествием. Начинает он с противопоставления своей точки зрения взглядам исторической школы. Попытки ее «хронологически определить или приурочить изображаемые в эпосе боевые схватки историческим битвам, например к Калкской или Куликовской, потерпели неудачу». «При всей исторической конкретности, при изумительной исторической точности эпоса мы все же тщетно будем искать в нем изображения отдельных исторических событий или исторических лиц»²⁸. Слова об «исторической конкретности» и «изумительной точности» могут показаться неожиданными и расцениваться как преувеличение. Анализ мотивов соответствующих былин позволяет В. Я. Проппу утверждать, что «появление татар <...> всегда описывается <...> в основном исторически верно», что в описании приезда татарского посла эпос сохранил «древнейшую форму» «отношений между русскими и татарами», что угрозы посла «отражают трагический опыт русской истории» и что изображаемая в былинках ситуация в киевском лагере соответствует в принципе исторической обстановке — пропасти, лежавшей между Владимиром и боярами, с одной стороны, и народом — с другой²⁹. Разумеется, автор видит во всех этих мотивах элементы фантастики и вымысла, а в эпизодах, описывающих борьбу богатырей, их победу и т. д. не находит, разумеется, «конкретности» и «точности». Поэтому известное преувеличение «реалистического» начала в былинках об отбитом татарском нашествии у В. Я. Проппа есть. Но оно не имеет ничего общего с позицией исторической школы. Он решительно отказывается искать в летописях события, аналогичные былинным, и находить прототипов былинных героев среди исторических лиц. «Победная» часть былин отражает не какую-то реальную битву, а «волю, суд и приговор» народа: «Песня выражала не отдельные факты побед или поражений; в дни бедствий песня

²⁷ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М., Саратов, 1924.

²⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 287.

²⁹ Там же. С. 308–320.

выражала несокрушимую *волю* народа к победе и тем ее подготовляла и способствовала ей»³⁰.

Вполне разделяя эту позицию ученого и сегодня, я все же заметил бы два упущения в его анализе былин о борьбе с татарами. Первое — это недостаточное внимание к *условности* изображения всей обстановки и всех обстоятельств татарского нашествия и его разгрома. В конечном счете былины изображают не события Киевской Руси, связанные с нашествием татар, но события в некоем эпическом мире, куда перенесены впечатления народа от нашествия и его борьба и воля к победе. Чтобы быть последовательным, надо признать, что в былинах изображается не Киев начала XIII века и не княжение одного из Владимиров, и не нашествие Батыя или Мамая, но Киев и Владимир эпической эпохи, эпохи богатырей, то есть условного эпического времени, которое вбирает исторический опыт народа, перемалывает его, трактует реальные события совсем по-иному.

Второе — связанное с первым: В. Я. Пропп, на мой взгляд, преувеличил новаторский характер былин о татарском нашествии, отказав им связь с догосударственным или иным эпосом, как бы лишив его эпических традиций. Для меня очевидно, что былины эти не могли сложиться в их данном виде как бы заново. Они, подобно другим эпическим циклам, должны были «вырасти», «родиться» из традиции, трансформировав ее. Поиски этой традиции и путь трансформаций остаются актуальной задачей нашего эпосоведения.

Возвращаясь к пониманию В. Я. Проппом историзма эпоса, стоит подчеркнуть, что для него этот историзм не был сосредоточен в событийной части, в персонажах или реалиях, но буквально пронизывал весь эпос, был разлит в нем. Эту сторону концепции ученого, пожалуй, лучше рассмотреть в связи с его полемикой с Б. А. Рыбаковым.

Неожиданно историческая школа, не раз подвергшаяся в своих теоретических и методических основах многосторонней критике и в послевоенное время прозябавшая на окраинах фольклористики, восстала из пепла благодаря Б. А. Рыбакову. Именно он заново обратился к героическим былинам, чтобы «вернуть» им их первоначальное конкретное историческое содержание, вновь взвести их сюжеты к летописным фактам и назвать имена исторических деятелей, стоящих за былинными персонажами. Надо отдать должное ученому: историю Киевской Руси он знал досконально, так сказать, из первых рук, гораздо полнее и глубже, чем его предшественники по школе. Все эти знания были мобилизованы на доказательство того, что былины — это «народная летопись», что большинство былин разносятся по соответствующим этапам

³⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 288.

летописной истории X–XII веков и т. д.³¹. Одновременно Б. А. Рыбаков выступил с критикой труда В. Я. Проппа. К сожалению, ма-стистый ученый не стал углубляться во все тонкости концепции Проппа, в сущности, предельно упростил и исказил ее, и прежде всего — понимание его былинного историзма: «В. Я. Пропп высту-пает против историзма былин вообще»³² (6).

В. Я. Пропп ответил Б. А. Рыбакову двумя статьями³³. Приве-ду некоторые цитаты, лучше всего разъясняющие позицию уче-нного. Объективно Б. А. Рыбаковым «историческая основа фоль-клора понимается в том смысле, что в фольклоре изображаются исторические события и исторические лица». «Такое узкое пони-мание истории недостаточно». «Все, что происходит с народом во все эпохи его жизни, так или иначе относится к области исто-рии <...>. При широком понимании истории под исторической основой подразумевается вся совокупность реальной жизни на-рода в процессе его развития во все эпохи его существования». Есть жанры, которые могут быть изучены «с точки зрения бо-лее узкого понимания истории и историзма». Здесь В. Я. Пропп подчеркивает важность жанровой дифференциации. В отличие от преданий или исторических песен «былина не принадлежит к тем жанрам, где ставилась сознательная цель — изображение фактической истории». К коренным недостаткам исторической школы относятся непонимание «жанровой природы и специфи-ки эпоса», стирание разницы между былинной и исторической песней, а в методическом плане — определение историчности «не по сюжету в его историческом значении, а по различным частно-стям». Как пример В. Я. Пропп ссылается на трактовку историче-ской школой былины о Садко, историчность которой доказыва-ется на основании одного факта — постройки им церкви. «Герой объявляется тождественным летописному персонажу, и в этом будто бы и состоит весь историзм былины. Сюжет в целом, кон-фликт между Садко и Новгородом, погружение его в воду, фигу-ра морского царя и т. д. представителями так называемой историче-ской школы не изучаются; это все явный вымысел и потому их не интересует» (7). Между тем «самое главное в былине — это ее сюжет, сюжет в целом <...> Он всегда выражает известную идею, и эту идею надо суметь понять и определить <...> Историческое

³¹ Рыбаков Б. А.: 1) Исторический взгляд на русские былины // История СССР. 1961. № 5. С. 141–166; № 6. С. 80–96; 2) Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

³² Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 43.

³³ Пропп В. Я.: 1) Об историзме русского эпоса: (Ответ академику Б. А. Ры-бакову) // Русская литература. 1962. № 2. С. 87–91; 2) Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1968. № 339. Сер. филол. наук. Вып. 72. С. 5–25 (в сокращ.: Пропп В. Я. Русский ге-роический эпос. С. 116–131).

изучение былины состоит в установлении того, в какую эпоху могла зародиться идея, воплощенная в данной художественной форме. В большинстве случаев в былинах можно проследить отложения нескольких эпох или периодов, идеи которых могут сталкиваться. Наличие таких столкновений и коллизий — одно из интереснейших, но и сложнейших явлений былинного эпоса. В определении исторического смысла и значения идейного содержания былины, в установлении того, когда такое сложное образование могло создаться, и состоит задача исторического исследования»³⁴.

К этим общетеоретическим и общеметодологическим рассуждениям В. Я. Пропп добавил детальный, «под микроскопом», разбор одного из «исторических» анализов былины, осуществленных Б. А. Рыбаковым. Он обнаруживает фактическую несостоятельность аргументов, которые ведут к выводам относительно хронологии и приуроченности былины. Датировка былины рушится, попытка подставить исторические имена под имена героев былины оказывается несостоятельной. И так — со всеми другими интерпретациями(8).

Спор Б. А. Рыбакова с В. Я. Проппом и его последователями был продолжен на конференции по историзму фольклора в 1964 г. в Москве. Ряд откликов на дискуссию появился в свое время³⁵. Одним из итогов обсуждения было, несомненно, так или иначе выраженное согласие с концепцией В. Я. Проппа в тех ее частях, которые относились к требованию учета жанровой специфики эпоса и его стадиального состояния, к пониманию характера историзма эпоса, создающего обобщенные картины исторической действительности, к отрицанию изначальной фактической основы эпических сюжетов и наличия прототипов, к утверждению определяющего значения для эпоса свойственной ему логики закономерностей, наконец, к призыву всегда учитывать и раскрывать эпос как специфический художественный мир с присущим ему эпическим же языком.

Дальнейшее развитие эпосоведения в нашей стране подтвердило правильность и продуктивность основных положений концепции В. Я. Проппа, хотя в различных частностях остались и несогласия. Так или иначе, опыт Проппа-эпосоведа, в соединении с опытом других признанных специалистов в области народного эпоса — В. М. Жирмунского и А. М. Астаховой — составил основу развития отечественного эпосоведения последних десятилетий.

³⁴ Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения. С. 19.

³⁵ Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 67–78; Подходы, сохраняющие актуальность: Из выступлений на конференции по историзму фольклора в 1964 г. / публ. А. И. Алиевой // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 244–271.

Во многом благодаря этому наше эпосоведение достигло весьма значительных результатов и, можно смело сказать, заново открыло эпическое творчество многих народов и самый феномен эпоса в его исторических корнях, генезисе, историческом развитии и великих художественных ценностях.

Примечания

⁽¹⁾ Как мог ученый находиться под влиянием одновременно трех совершенно разных направлений? Догматическая критика тех лет отличалась полной безответственностью в обвинениях и проявляла на каждом шагу невежество. Приведенные цитаты взяты из отчетов с обсуждений работ В. Я. Проппа и П. Г. Богатырева весной 1984 г. Сейчас невозможно без чувства стыда читать о «критических» выступлениях маститых ученых, старавшихся перещеголять друг друга в шельмовании В. Я. Проппа.

⁽²⁾ Имеется в виду песня о Щелкане Дудентьевиче, содержание которой было связано с восстанием тверичей против татар в 1327 г.³⁶

⁽³⁾ В. Я. Пропп имеет в виду: Еремин И. П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947. Эта замечательная книга оказала в те годы безусловное и, уверен, самое плодотворное влияние на формирование моих взглядов на фольклор и литературу Древней Руси.

⁽⁴⁾ В. Я. Пропп в книге о русском эпосе пользовался обоими терминами, но все-таки предпочитал говорить о «сознании».

⁽⁵⁾ В письме от 20.IV.48 В. Я., в частности, писал мне о первой моей диссертации, рукопись которой я отоспал в Пушкинский Дом: «Только на днях я ее получил, начал ее читать и спешу Вам выразить чувства полного удовлетворения Вашей работой. Местами я ее читал с восхищением». Двумя месяцами позднее: «Не ждите от меня «благожелательного отзыва» и вообще не ждите отзыва. Некоторые отдельные замечания я писал на листках и вкладывал их в рукопись. Когда Вы возьмете рукопись, Вы их прочитаете. Их очень немного. Ваша работа современна в полном смысле этого слова, т. е. она выражает то, что сейчас думают те, кто сколько-нибудь в этой области мыслил. Во всяком случае мне казалось, что Вы сумели сказать то, что я сказать не сумел, но смутно всегда ощущал. Ваша работа мне настолько близка, что я не могу судить о ней, как не смог бы судить и о своей работе <...> Когда Ваша работа будет готова целиком, я надеюсь прочесть ее всю и вынести из нее очень многое для себя и для своей работы над эпосом. Ваша книга является как бы естественным продолжением моей будущей работы об эпосе, которая кончится перспективой на историческую песнь».

³⁶ Путников Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 116–131.

И наконец, письмо от 8.XI.48: «Я все ждал случая поздравить Вас лично, но этот случай так и не представился. <Зашита состоялась 14 сент. 1948 г. в Пушкинском Доме>. Поздравляю Вас от души и желаю Вам дальнейших успехов. Я очень жалею, что не смог быть на защите Вашей диссертации. Но, с другой стороны, оно, может быть, и лучше. Я бы выступил с похвалами и тем, не желая этого, мог бы Вам повредить. Здесь утверждают, что похвала М. К. Вам повредила <М. К. Азадовский выступал как первый официальный оппонент. Поскольку голосование было единогласным, В. Я. имел в виду не саму защиту, а последующую историю с неудавшимся моим переходом тогда в Пушкинский Дом: нашлись люди, которые использовали оценку меня как ученого Марком Константиновичем в клеветнических целях>. Вот и разберите, что хуже — когда Тебя ругают или когда Тебя хвалят. Но Вы не огорчайтесь: достоинства Вашей работы очевидны для всех. Если Вы имеете возможность напечатать хоть главу, хоть часть где бы то ни было — печатайте смело. Своим аспирантам, занимающимся эпосом, я вменяю в обязанность прочесть историографическую часть Вашего труда. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам сил и здоровья для дальнейшей успешной работы. Ваш В. Пропп».

Чтобы больше уже не возвращаться к этой теме, приведу еще письмо В. Я. от 28 мая 1952 г. «Сердечно благодарю Вас за Ваше внимание и за присланные статьи. Может быть Вас интересует, что в истекшем учебном году я вел спецсеминар по исторической песне. Я заставил студентов прежде всего произвести библиографическую работу по учету существующих материалов. Тут пришлось столкнуться и с Вашими работами. Хотя я знал их уже раньше, но настоящую проверку эти работы получают только тогда, когда начинаешь с ними работать, а не просто читать их. Я по-настоящему оценил все научные достоинства Ваших обзоров, они нам не только пригодились, но часто были нужны как хлеб. Ваши работы всегда вызывают абсолютное доверие. Такова же и присланная Вами статья по истор<ическим> песням на Тереке. Здесь уже не только обзор, но и соображения более общего характера, важные для исследователей».

Статья, о которой идет речь, была напечатана в «Известиях Грозненского обл. ин-та и музея краеведения» (1950. Вып. 2/3).

⁽⁶⁾ Б. А. Рыбаков здесь добавлял: «Опасность взглядов В. Я. Проппа состоит в том, что они нашли последователей. Так, например, Б. Н. Путилов повторяет вслед за ним, что будто бы “былины — это произведения, сюжеты которых являются результатом художественного вымысла <...> идеалы эпоса получали конкретное художественное выражение в вымышенных формах (вымышенные сюжеты, ситуации, герои)»³⁷. Цитаты — из:

³⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 43.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный эпос XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 23, 25). Я и сейчас готов повторить эту характеристику былин, вызвавшую негодование у Б. А. Рыбакова. Тогда же я занял позицию активного и последовательного сторонника В. Я. Проппа и противника Б. А. Рыбакова. Вскоре после выхода статей Б. А. Рыбакова³⁸ по моей инициативе в Пушкинском Доме состоялось широкое обсуждение проблем, на котором был дан настоящий бой попытке Б. А. Рыбакова реанимировать теории и методику исторической школы. Мой доклад на этом заседании в слегка переработанном виде был напечатан в журнале «Вопросы литературы» (1962, № 11) под заглавием «Концепция, с которой нельзя согласиться».

(⁷) Именно так «разобрал» Б. А. Рыбаков былину о Садко в своей книге: «былина “Садко”, быть может, действительно восходит к эпохе Садка Сытница, построившего церковь Бориса и Глеба внутри новгородского кремля <...> Сказочный элемент заслоняет в этой былине реальную основу»³⁹.

(⁸) Б. А. Рыбаков, разумеется, имел полное право остаться на своих теоретических и методологических позициях. Однако никак не отреагировать на критический разбор его этюдов, посвященных отдельным сюжетам, разбор, в котором указывались многочисленные ошибки, натяжки, неточности и некорректное обращение с вариантами, — мне до сих пор непонятно, как уважающий себя исследователь мог просто не обратить внимание на эту реальную критику и спокойно переиздавать свой труд и повторять свои опыты разбора былин в других книгах. Видимо, мы имеем здесь дело с феноменом, возможным лишь в советской системе, когда ученый, наделенный авторитетом и властью, мог позволить себе все что угодно.

³⁸ Рыбаков Б. А. Исторический взгляд на русские былины.

³⁹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 150.